

ФРАНЦУЗСКОЕ ДВОРЯНСТВО ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Л.А. Пименова

В предлагаемом очерке речь пойдет об эволюции историографических подходов, прослеживаемой в работах отечественных ученых на протяжении нескольких десятилетий, с 1920-х до 1980-х годов. При этом в центре нашего внимания будут три проблемы: интерпретация советскими авторами социальной истории французского дворянства Старого порядка, оценка ими роли либерального дворянства в Революции XVIII в., освещение темы дворянской эмиграции и контрреволюции.

Истоки: «русская школа» и работы других русских историков конца XIX – начала XX в.

Явственно прослеживаются три источника интерпретации Французской революции, принятой в советской историографии: во-первых, это французская «классическая концепция» революции; во-вторых, труды историков «русской школы»; в-третьих, марксизм-ленинизм. И мне представляется, что по своей значимости они примерно сопоставимы. Труды творцов «классической концепции» Французской революции А. Олара и А. Матьеза были хорошо известны и пользовались влиянием в Советской России¹. У Олара советские исследователи могли почерпнуть осмысление событий во Франции конца XVIII в. как исторически прогрессивной борьбы революционной буржуазии против сословного неравенства. Но особенно близки им оказались труды убежденного демократа Матьеза, восхвалявшего Робеспьера и монтаньяров. В своем отношении к дворянству историки СССР исходили из

Людмила Александровна Пименова, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Они были переведены на русский язык: *Матьез А.* Французская революция. Т. 1–3. М., 1925–1930; *Он же.* Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928; *Он же.* Как побеждала Великая французская революция. М., 1928; *Он же.* Новое о Дантоне. М., 1928; *Он же.* Термидорианская реакция. М., 1931; *Олар А.* Культ разума и культ Верховного существа во время Французской революции. Л., 1925; *Он же.* Христианство и Французская революция. 1789–1862. М., 1925; *Он же.* Церковь и государство в эпоху Великой французской революции. Харьков, 1925; *Он же.* Политическая история Французской революции. М., 1938.

марксистского понимания Французской революции как антифеодальной и буржуазной, опираясь на ее определение В.И. Лениным как «социальной революции буржуазии», «ниспровергающей господство помещиков»². Из этого логически следовал вывод о феодальной и контрреволюционной сущности дворянства.

Но у такого подхода были солидные основания и в работах историков «русской школы». По словам ее виднейшего представителя Н.И. Кареева, «“старые порядки” главным образом и могут быть поняты, как соединение социального феодализма средних веков с абсолютной монархией нового времени. [...] Старые порядки [...] были [...] не чем иным, как *соединением политического абсолютизма с социальными привилегиями*». При этом дворянство находилось «в наиболее выгодном положении по отношению к государству» и «занимало первенствующее положение в обществе, пользуясь самыми важными привилегиями и даже прямо господствуя над самую значительную часть населения»³. Королевская власть защищала «социальный феодализм» (а главным выражением его, по Карееву, были взаимоотношения дворянства и крестьянства), на котором было основано господствующее положение дворянства в обществе:

«Разрушая феодализм политический, она не только не считала в своих интересах налагать руку на феодализм социальный, но даже видела в сохранении его, равно как и вообще в привилегированном положении дворянства, средство заставить это сословие забыть утрату политических прав, вознаградить его за эту утрату, сделать из него главную свою опору [...]»⁴

Здесь уже содержалась квинтэссенция той концепции социальной роли дворянства в дореволюционном французском обществе, которая в скором времени стала общепринятой в советской историографии. Основные элементы этой концепции следующие: дворянство было феодальным классом; дворянские привилегии представляли собой остатки средневекового феодализма; абсолютная монархия выражала и защищала преимущественно интересы дворянства; дворянство было внутренне цельным и единым (Кареев зачастую употреблял как синонимы понятия *дворянство* и *аристократия*).

Говоря об отношениях дворянства с королевской властью, Кареев отмечал противоречие: с одной стороны, «короли до самого конца существования “старых порядков” продолжали считать себя главным

² Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1972. Т. 6. С. 315.

³ Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 3. История XVIII века. СПб., 1899. С. 18–19.

⁴ Там же. С. 20–21.

образом членами дворянского сословия», с другой – «в принципе королевская власть представляла собою всю нацию, была воплощением всего государства и потому возвышалась над отдельными общественными классами»⁵. Проявлением этого противоречия Кареев считал конфликты между королевской властью и парламентами в XVIII в.

Во второй половине XVIII в., по мысли Кареева, «две Франции уже стояли одна против другой, готовые к борьбе». Одна – Франция старая, официальная, Франция «королевской власти и версальского двора, католического духовенства и феодального дворянства; другая – новая Франция интеллигентной буржуазии, воспитанной на идеях Просвещения»⁶. Франция, с его точки зрения, могла бы обойтись и без революции, если бы королевская власть нашла в себе силы преодолеть противоречие между своим дворянским и общенациональным характером и, опираясь на нацию, провела бы реформы «просвещенного абсолютизма», но вместо этого французские короли продолжали поддерживать консервативные феодально-католические силы, что, в конечном счете, и вызвало социальный взрыв.

Дворянство в изображении Н.И.Кареева – это «старая Франция», «представители старого социального строя», т.е. сила, по определению противостоящая революции. Анализируя содержание предвыборных наказов Генеральным штатам 1789 г., он писал: «По вопросу о сословных привилегиях и о социальном феодализме указы 1789 г. можно резко разделить на две категории: *духовенство и дворянство стремились сохранить и поддержать старый общественный строй, третье сословие, напротив, требовало отмены аристократических привилегий и феодальных прав*»⁷.

Проблема роли либерального дворянства в революции у него, по сути, не была поставлена. Социальное содержание революции на ее начальном этапе в его изложении выглядит следующим образом: «В 1789 г. буржуазия, поддерживаемая народом, разрушает старый порядок и на его месте созидает новый, рассчитанный на то, чтобы ввести в жизнь французской нации начала личной и общественной свободы»⁸. Иными словами, это революция буржуазии, поддерживаемой народом. Разумеется, он упоминал видных деятелей революции, принадлежавших к привилегированным сословиям: Лафайета, Мирабо, Сийеса, Александра де Ламета и др. Но в контексте работы Кареева это, скорее, исключения, подтверждающие правило (буржуазия совершает революцию, дворянство противостоит ей), «отклонения от нормы»⁹, нежели

⁵ Кареев Н.И. Указ. соч. С. 44.

⁶ Там же. С. 390–391.

⁷ Там же. С. 463–464 (курсив автора).

⁸ Там же. С. 469.

⁹ Там же. С. 549.

некий достойный специального внимания социально-политический феномен. Примечательно, как он характеризовал политические группировки, сложившиеся в Учредительном собрании: «Партий в собрании было несколько: одни (высшее духовенство и дворянство) все еще мечтали о сохранении старого порядка; другие (Неккер, Мунье, Лалли-Толлендаль, Клермон-Тоннер) думали о необходимости предоставить королю одну лишь исполнительную власть и, сохранив за духовенством и дворянством первенствующее положение, разделить национальное собрание на верхнюю и нижнюю палаты; третьи представляли себе будущую конституцию не иначе, как с одной палатой, и такого мнения, кроме Мирабо, держались Сийес, Байи, Лафайет; далее, были деятели, которые желали придать более значения действию на собрание парижского населения и клубов (Дюпор, Барнав, братья Ламеты), и уже намечались будущие деятели республики (Робеспьер, Грегуар, Петион и др.)¹⁰. Из приведенного отрывка видно, что для Кареева дворянство как социальная группа – это сторонники старого порядка, тогда как, говоря о Лалли-Толлендале, Мирабо, Лафайете, братьях Ламетах и других либеральных дворянах, он не отмечал их сословной принадлежности. Получалось, что дворяне, участвуя в революции, как будто бы порывали со своим сословием.

Согласно Карееву, роль дворянства в революции – это эмиграция и контрреволюция. Эмиграцию он характеризовал как «эмиграцию дворян»¹¹. Дворяне, как и вообще все бывшие привилегированные, противостояли революции: «Главными и притом открытыми противниками новых порядков были оба привилегированных сословия старой Франции – духовенство и дворянство». Дворянство проявляло свою оппозицию тем, что «продолжало эмигрировать и хлопотать о возвращении во Францию с иностранными войсками»¹². Кареев отмечал также роль дворянства в руководстве вандейским восстанием и движением шуанов, характеризуя то и другое как «антиреволюционное движение крестьян под предводительством неприсяжных священников и дворян»¹³.

Ученик Кареева В.Я. Хорошун провел детальное исследование дворянских наказов Генеральным штатам 1789 г., в результате которого пришел к выводу, что за внешним политическим радикализмом дворянства скрывалась его реакционная сущность, стремление вернуться к доабсолютистским временам средневековой феодальной монархии. Автор отмечал влияние на дворянство прогрессивных идей XVIII в. «Однако, – заключал он, – обыкновенное взаимодействие современных веяний и консервативного мирозерцания дает в общем результате

¹⁰ Там же. С. 490–491.

¹¹ Там же. С. 479, 546.

¹² Там же. С. 553–554.

¹³ Там же. С. 593.

тайные и явные стремления дворянства провести на буксире новых начал старинный социальный строй, исключительное господство дворянского класса над остальным обществом, которое рвалось к свободе»¹⁴. Программу дворянских наказов Хорошун назвал «сословно-консервативной», призванной поддержать падающее дворянство. Суть этой программы он видел в защите сословного строя, сеньориальной системы и провинциальных привилегий. В целом, французское дворянство, по его мнению, «не поднялось на высоту понимания истинных потребностей века»¹⁵. Идеи, высказанные Кареевым и Хорошуну, были вскоре подхвачены советской историографией.

Характеризуя французское дворянство XVIII в., Хорошун подчеркивал его материальный и духовный упадок. Эту мысль, заимствованную русскими историками у А. де Токвиля, можно встретить и у ряда других авторов конца XIX – начала XX в. Так, известный историк В.И. Герье писал, что в XVIII в. французское дворянство потеряло характер подлинной аристократии. Тем не менее, роль этого сословия в государственном организме была велика, так как оно являлось главным хранителем идеи легитимизма, обеспечивавшей связь между королевским правительством и привилегированными сословиями. Но при этом дворянство оказалось неспособно ответить на вызовы времени. Герье отмечал, что в конце Старого порядка оно оказалось бессильным перед лицом идейного натиска со стороны третьего сословия. Свидетельством идейной и политической незрелости дворянства для Герье были его наказания Генеральным штатам 1789 г. – «бестолковая путаница феодальных традиций и обрывков из Руссо»¹⁶.

Идея упадка и оскудения французского дворянства в XVIII в. нашла отражение в учебной и научно-популярной литературе по истории. В подготовке таких изданий принимали участие будущие классики советской историографии В.П. Волгин и Е.В. Тарле. Примером может служить изданная Товариществом И.Д. Сытина «Книга для чтения по истории Нового времени». Автор содержащейся в ней главы «Французская деревня в XVIII в.» А.М. Васютинский сделал акцент на материальном оскудении дворянства. Один из разделов его главы так и назывался «Упадок дворянства». Речь в нем шла об упадке экономическом, который повлек за собой упадок нравственный: пьянство и разврат¹⁷. Рассуждая об этом, автор ссылался на Артура Юнга, Шатобриана и Токвиля.

¹⁴ Хорошун В.Я. Дворянские наказания во Франции в 1789 году. Одесса, 1899. С. 103.

¹⁵ Там же. С. 261.

¹⁶ Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М., 1904. С. 490.

¹⁷ Васютинский А.М. Французская деревня в XVIII в. // Книга для чтения по истории Нового времени. Т. 2. М., 1911. С. 294.

Об упадке дворянства в XVIII в. писал и известный революционер, историк и географ князь П.А. Кропоткин. По его словам, «изнеженная аристократия XVIII в. растрачивала в безумной, нелепой роскоши громадные состояния [...] за всю шумную расточительностью скрывалась самая грубая чувственность, отсутствие всякого интереса, всякой мысли, даже простых человеческих чувств». Нравственный и интеллектуальный упадок сопровождался упадком материальным, а он, в свою очередь, приводил к усилению сеньориального гнета:

«Особенно невыносимыми делались требования помещиков оттого, что значительная часть аристократии была в сущности разорена, но скрывала свою бедность под внешнею роскошью, а потому старалась выжать из крестьян как можно больше дохода, требуя от них уплаты мельчайших денежных и натуральных повинностей, когда-то установленных обычаем. Через посредство своих управляющих дворяне обращались с крестьянами с суровостью настоящих ростовщиков. Обеднение дворянства превратило дворян в их отношениях с бывшими крепостными в настоящих буржуа, жадных до денег, но вместе с тем неспособных найти какие-нибудь другие источники дохода, кроме эксплуатации старых привилегий – остатков феодальной эпохи, т.е. крепостного права»¹⁸.

Говоря о роли дворянства в революции, Кропоткин упомянул о либеральном дворянстве лишь в связи с событиями в Учредительном собрании 4 августа 1789 г. При этом он охарактеризовал их как людей наиболее дальновидных, которые «поняли, что единственное средство спасти феодальные права – это пожертвовать некоторыми “почетными”, но малоценными правами и предложить крестьянам *выкуп* тех феодальных повинностей, которые были *связаны с землей и имели действительную ценность*»¹⁹. То есть получалось, что либерализм этих дворян состоял в большем, чем у других представителей этого сословия, прагматизме.

В своей оценке дворянской контрреволюции, в частности, роли дворянства в вандейском восстании Кропоткин был согласен с Каревым. По его словам, «в Вандее крестьяне, возбуждаемые духовенством и дворянами, начали всеобщее восстание и избиение республиканцев»²⁰.

Но в русской историографии конца XIX – начала XX в. существовали и иные подходы к проблеме места дворянства в обществе дореволюционной Франции и его роли в революции. М.М. Ковалевский решительно отвергал характеристику Старого порядка как феодального:

¹⁸ Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789–1793. М.: Наука, 1979 (1-е изд. – 1914). С. 17–18.

¹⁹ Там же. С. 95 (курсив автора).

²⁰ Там же. С. 301.

«Ничто не дает более ложного представления об экономических и социальных порядках Франции, как окрещение их именем феодальных. [...] О феодализме во Франции 1789 г. можно говорить разве только в том широком смысле, который позволяет некоторым современным публицистам и социальным реформаторам окрещивать именем феодализма систему капиталистического производства и вообще всякого рода общественные порядки, основу которых составляет монополия, сосредоточение орудий производства, будет ли то земля или капитал, в руках немногих и обездоление массы трудящегося люда. [...] От феодализма Франция XVIII века сохранила, и то, как мы видели, не вполне одну только сторону – монополизацию земли в руках дворянства»²¹.

С точки зрения Ковалевского, хозяйство дореволюционной Франции было построено на привилегии и монополии, но называть этот строй феодальным означало бы злоупотреблять терминологией.

К проблеме упадка дворянства в XVIII в. Ковалевский подходил осторожно и нюансировано. Он утверждал, что в целом дворянство представляло собой наиболее зажиточный класс французского общества XVIII в., но при этом в его среде имело место сильное имущественное расслоение. Многие дворяне традиционно не занимались хозяйственной деятельностью, а получаемые дворянством ренты были фиксированными, «поэтому вместо того, чтобы расти, доход его падает если не абсолютно, то относительно, параллельно возрастанию цен и увеличению тех требований комфорта, какие ставит ему общий подъем материального благосостояния»²². В то же время, рост промышленности и кредита обогатил третье сословие. В результате дворянские земли переходили в его руки. Практика аноблирования, по мнению Ковалевского, маскировала процесс сосредоточения земельной собственности в руках буржуазии. Родовитое дворянство – и здесь Ковалевский ссылался на Токвиля – теряло власть и влияние в администрации в центре и на местах, а «среднее сословие» скупало продаваемые правительством должности. Ковалевский уделял значительное внимание внутрдворянским антагонизмам: между придворным и провинциальным дворянством, между родовитым дворянством и аноблированными.

Ковалевский отмечал значительную роль либерального дворянства накануне и во время революции. Так, говоря о французском обществе эпохи Просвещения, он подчеркивал влияние либеральных салонов, «аристократических по составу, но республиканских по духу»²³. Однако в советской историографии его подход не получил развития. То, что писали (если вообще писали) советские историки о либеральном дворянстве, продолжало линию Кареева и Кропоткина.

²¹ Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. 1. С. 59–60.

²² Там же. С. 12.

²³ Там же. С. 631.

Интерпретация социальной истории французского дворянства Старого порядка в работах советских авторов

В целом, специально историей французского дворянства русские историки конца XIX – начала XX в., в отличие от крестьянского вопроса, занимались мало²⁴. Отсутствующая в отечественной историографии традиция изучения дворянства не сложилась – что неудивительно – и в советский период. Исследовательских работ по истории французского дворянства в советской историографии не было до 1980-х годов. О дворянстве писали авторы общих трудов по истории Французской революции, учебных пособий и научно-популярных изданий. В работах 1920-х – 1930-х годов негативные оценки, содержащиеся в трудах русских историков конца XIX – начала XX в., были доведены почти до абсурда. Созданный образ реакционного, феодального дворянства был отчасти фактически неверным, а отчасти – просто карикатурным. Так, в университетском учебнике «Новая история» под ред. Е.В. Тарле, А.В. Ефимова и Ф.А. Хейфец автор главы по истории Франции XVIII в. и Французской революции Ф.А. Хейфец утверждала, что в дореволюционной Франции *вся* земля принадлежала дворянству и *все* сеньоры были дворянами: «Землей, прямо или косвенно, владело дворянство. По сохранившемуся от средних веков правилу “нет земли без сеньера”, дворянство сохраняло права на землю и тогда, когда она переходила к другим владельцам недворянского происхождения»²⁵.

Автор отмечала имущественные различия среди дворян, которые, однако, не подрывали внутренней однородности сословия: были дворяне богатые и бедные (главной причиной этих имущественных различий автор считала «дворянский раздел»: такой порядок наследования, при котором большая часть недвижимого имущества переходила к старшему сыну), но и те и другие оставались паразитическими и реакционными:

«Сохранившийся во Франции закон первородства предоставлял старшему в роде получать две трети отцовского имущества, младшие делили между собой остальную треть наследства. Старшие сыновья дворянских родов образовали столичную и придворную верхушку светской и церковной аристократии. [...] Ко второй половине XVIII в. аристократия окончательно выродилась в паразитическую группу, в толпу придворных, которая высасывала из страны все жизненные соки. [...] Совсем другим было положение младших представителей

²⁴ Из крупных исследований, помимо книги Хорошуна, следует упомянуть двухтомную работу П. Ардашева о провинциальных интендантах: *Ардашев П.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка, 1774–1789. Спб., Киев, 1900–1906. Т. 1–2.

²⁵ Новая история. Ч. 1 / Под ред. Е.В. Тарле, А.В. Ефимова и Ф.А. Хейфец. М., 1939. С. 41.

дворянских родов. Многие из них сильно нуждались. [...] они, чем больше беднели, тем больше замыкались в своем высокомерии и тем больше цеплялись за свои дворянские привилегии. Они считали для себя позорным заниматься промышленностью, торговлей; невежественные, грубые, они завидовали богатству знати и буржуазии и представляли самую реакционную группу в дворянстве; ревниво и придирчиво оберегали они свои дворянские привилегии, заставляя крестьян неукоснительно выполнять все феодальные повинности»²⁶.

«Дворянство мантии» в интерпретации автора ничем по сути не отличалось от «дворянства шпаги»: оно было столь же реакционным и так же цеплялось за свои сословные привилегии: «Судейское дворянство ревниво оберегало привилегии господствующего класса и всегда выступало против всяких реформ. Вместе с родовым дворянством оно ревниво оберегало все существовавшие в стране привилегии господствующих сословий»²⁷.

Классической работой, на долгие годы утвердившей общепринятую в СССР интерпретацию Революции XVIII в., стала «Французская буржуазная революция» (1941) под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. В ней, в полном согласии с марксистско-ленинской концепцией, революция объяснялась как результат формирования капиталистического уклада в феодальной Франции, а дворянство в целом однозначно трактовалось как феодальная сила²⁸.

В историографии 1950-х годов тон задавали работы А.З. Манфреда. В его изображении дворянство выглядело реакционным, феодальным классом:

«В целом во французском сельском хозяйстве конца XVIII в. все еще господствовали старые, средневековые, полуфеодальные отношения в их самой грубой и дикой форме; сеньор-помещик упорно и упрямо цеплялся за эти рутинные, еще при дедах сложившиеся методы хозяйствования и отношения с крестьянами; он по-прежнему старался на основе стародавних феодальных прав взять у крестьянина побольше – все, что можно»²⁹.

«Монархия сохраняла незыблемым старое феодальное деление общества на сословия. [...] Духовенство и дворянство были ничтожным меньшинством населения; вместе они составляли менее 1% всех жителей Франции. Но эти десятки тысяч человек образовали привилегированные сословия и принадлежали к господствующему классу феодально-абсолютистской Франции»³⁰.

²⁶ Новая история. Ч. 1. / Под ред. Е.В. Тарле, А.В. Ефимова и Ф.А. Хейфец. С. 41–42.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Французская буржуазная революция 1789–1794 / Под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. М.–Л., 1941. С. 2.

²⁹ Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983 (1956). С. 17.

³⁰ Там же. С. 23–24.

Манфред отмечал внутрисословные различия, во-первых, между придворным и провинциальным дворянством, во-вторых, между «дворянством шпаги» и «дворянством мантии». Придворное и провинциальное дворянство различались по доходам и по образу жизни: придворные аристократы получали громадные суммы из казны, занимали руководящие должности и жили в роскошных дворцах. В отличие от них, «деревенские помещики, особенно из обедневших, получали скудное образование, нередко с трудом подписывали свою фамилию; кругозор их был весьма ограничен»³¹. «Дворянство шпаги» (автор однозначно отождествлял его со старым, родовитым дворянством) отличалось своим происхождением от служилого «дворянства мантии». Но все эти различия Манфред считал несущественными:

«Общим, что объединяло все группы внутри первого и второго сословий (за исключением разве низшего духовенства), являлось то, что они были привилегированными и правящими сословиями, эксплуатировавшими, подавлявшими и угнетавшими остальную часть нации, и в первую очередь крестьян. Первое и второе сословия – духовенство и дворянство, составлявшие опору монархии, являлись паразитической и глубоко реакционной силой»³².

Гораздо более значительным Манфред считал другое размежевание внутри дворянства: на старое (феодалное) и новое (обуржуазившееся). Он обращал внимание на то, что меньшая часть дворянства перестроила свое хозяйство на капиталистический лад, участвовала в торговых и промышленных предприятиях, вкладывала капиталы в заморские колониальные предприятия. Манфред настаивал на прямой связи между феодальным или буржуазным характером доходов и политическими воззрениями дворянства. Обуржуазившееся дворянство придерживалось либеральных политических взглядов:

«И по своим материальным интересам, и по своим политическим воззрениям это либеральное обуржуазившееся дворянство ориентировалось уже не на старый феодально-абсолютистский строй и его силы, а на рождающееся новое буржуазное общество и на крупную буржуазию, в которой оно находило много для себя родственного. [...] Выделение из рядов привилегированных сословий либерального дворянства во всем своем значении сказалось позже, во время революции, когда оно пошло по пути политического блокирования с крупной буржуазией»³³.

Именно из этой среды вышли будущие деятели революции герцог д'Эгийон, герцог де Ноай, маркиз де Лафайет, граф де Ларошфуко,

³¹ Там же. С. 25.

³² Там же. С. 25–26.

³³ Там же. С. 26.

братья Ламеты. Отличие от английского нового дворянства, по мнению Манфреда, состояло лишь в том, что во Франции либеральное дворянство было немногочисленным.

Эта схема в упрощенном виде тиражировалась в учебной литературе. Примером может служить учебник А.Л. Нарочницкого «Новая история. Ч. 1» (1963). Автор подчеркивал, что «оба привилегированных сословия – дворянство и духовенство – упорно противились каким бы то ни было реформам. Они цепко держались за свои привилегии и думали лишь о сохранении возможности обирать народ. Знать упивалась роскошью и богатством и закрывала глаза на будущее. Слова короля – «после нас хоть потоп» – как нельзя лучше передают это настроение³⁴. Лишь незначительная часть дворян обуржуазивалась и проявляла склонность к некоторым преобразованиям в пользу третьего сословия [...]. В отличие от Англии во Франции XVIII в. прослойка “нового”, обуржуазившегося дворянства, способного к компромиссу с буржуазией, была незначительной»³⁵. Такая позиция дворян обостряла «конфликт между ростом производительных сил и феодальными производственными отношениями», который в итоге вылился в буржуазную революцию³⁶.

Впрочем, полного единодушия в оценках среди советских историков не было. Иногда можно встретить любопытные концептуальные расхождения между главами одного и того же коллективного труда, написанными разными авторами. Так, в университетском учебнике «Новая история 1640–1789» (1953) главы по истории Франции XVII – середины XVIII в. писал Б.Ф. Поршневу, а главы по истории предреволюционных десятилетий – Ф.В. Потемкин. Поршневу последовательно и жестко придерживался формационного подхода. По его словам, во Франции при Старом порядке господствовал феодальный строй, дворянство являлось феодальным классом, а абсолютистское государство защищало феодальный строй от всех антифеодальных сил, в первую очередь, от крестьянства. Сравнивая Францию Старого порядка с Англией того же времени, он подчеркивал, что «для Франции же нехарактерно обуржуазивание дворянства». Покупку дворянских имений, титулов и должностей разбогатевшими представителями третьего сословия он характеризовал как «одворянивание части буржуазии», являвшееся «ярким симптомом гегемонии феодализма в общественной жизни»³⁷. Вместе с тем, Поршневу отмечал, что, несмотря на господствующее положение дворянства в обществе, доходы его все же падали.

³⁴ Автор, очевидно, не сомневался в том, что эти слова были произнесены королем.

³⁵ Новая история. Ч. 1, 1640–1870. Учебник для педагогических институтов / Под ред. А.Л. Нарочницкого. М., 1963. С. 116.

³⁶ Там же. С. 122.

³⁷ Новая история. Т. 1. 1640–1789 / Под ред. Б.Ф. Поршневу, С.Д. Сказкина, В.В. Бирюковича. М., 1953. С. 185–186.

Он объяснял это революцией цен, а также тем, что «великая сила феодального общества – традиция – весьма затрудняла повышение нормы сеньериальной эксплуатации»³⁸.

Между феодальным дворянством и профеодальным абсолютизмом, по мысли Поршнева, никаких противоречий не было и быть не могло по определению:

«Феодальная, дворянская природа французской монархии именно при Людовике XIV выступала более наглядно, чем когда бы то ни было. Национальное начало в XVI–XVII вв. перестало олицетворяться в королевской власти»³⁹.

Иными словами, получалось, что если в Средние века монархия олицетворяла «национальное начало», то монархия Нового времени перестала его олицетворять и превратилась в исключительно эксплуататорскую, феодальную и дворянскую (термины «феодальный» и «дворянский» Поршневу употреблял как синонимы). Неудивительно поэтому, что, по мнению автора, «нет никаких оснований говорить о скольконибудь широкой и значительной феодальной оппозиции абсолютизму. [...] В политических конфликтах того времени проявлялось не стремление аристократии как цельной социальной группы изменить политический строй, а лишь стремление отдельных обиженных вельмож занять иное положение при данном политическом строе»⁴⁰. А значит, все проявления аристократической оппозиции, включая и Фронду принцев, представляли собой факты личной биографии «отдельных обиженных вельмож», а не достойный внимания социально-политический феномен.

Однако помещенная в той же книге глава «Франция накануне буржуазной революции», написанная Ф.В. Потемкиным, существенно отличается как данными в ней оценками тех же самых явлений, так и общей концепцией от глав Поршнева. Скупку «помещичьих земель» бретонскими купцами Потемкин рассматривал как пример развития капиталистического уклада, а не одворянивания французской буржуазии. Автор стремился показать, что во второй половине XVIII в. во Франции сложились объективные предпосылки для буржуазной революции, а главной среди таких предпосылок была высокая степень зрелости капиталистического уклада. Поэтому он всячески подчеркивал, что дворяне, наряду с феодальными, применяли и «методы капиталистической эксплуатации крестьян», «создавали систему капиталистического фермерства, напомилавшую английскую»⁴¹, и т.п. Обуржуазивание части дворянства представляло интерес для Потемкина и как

³⁸ Там же. С. 188.

³⁹ Там же. С. 197.

⁴⁰ Там же. С. 196–197.

⁴¹ Там же. С. 237.

свидетельство «кризиса феодально-абсолютистского строя»: оно привело к тому, что в момент революции часть дворян перешла на ее сторону, тогда как реакционное большинство защищало Старый порядок. «Верхи французского общества, дворяне-помещики и даже духовенство, уже не были и не могли быть едины: сохраняя свою принадлежность к привилегированным сословиям, часть землевладельцев (представлявшая, правда, небольшое меньшинство) превращалась в сторонников капиталистического способа производства и стала в момент революционного кризиса на позицию конституционно-монархического либерализма. Тем временем помещики-крепостники усилили именно феодальную эксплуатацию крестьян»⁴².

В основном та же схема в сокращенном виде и с некоторыми нюансами была воспроизведена в учебном пособии «Новая история. Ч. 1» (1960), предназначенном для студентов и школьных учителей. Автором главы «Кризис феодально-абсолютистского порядка во Франции во второй половине XVIII в.» в нем тоже был Ф.В. Потемкин. Он писал, что «население Франции по сохранившемуся еще от средних веков порядку делилось на три сословия. Первое сословие – духовенство и второе сословие – дворянство были привилегированными сословиями. Только лица, принадлежавшие к этим сословиям, имели политические права»⁴³. О каких именно политических правах идет речь, автор не уточнял. Он отмечал, что «прежнее противопоставление «дворянства шпаги» «дворянству мантии», как землевладельческого сословия – сословию «служилому», не оправдывалось реальными условиями жизни дворянства в XVIII в. Многие представители «дворянства мантии» вполне «одворянились», разбогатели и стали помещиками; напротив, немалая часть родовитого дворянства разорилась, утратила свои земли, деклассировалась»⁴⁴. Потемкин утверждал, что дворяне в большинстве своем были помещиками-феодалами, но кризис феодальных отношений и развитие капиталистического уклада во Франции в XVIII в. выражались в том, что «многие крупные земельные владения переходили из рук дворян в руки купцов и промышленников. Постепенно и среди феодалов-землевладельцев появилась численно меньшая, но деятельная прослойка сторонников новых, капиталистических методов хозяйства. Многие помещики в северной части Франции укрепляли свои владения, сгоняли мелких крестьян-арендаторов, создавали систему капиталистического фермерства или же сами начинали вести крупное хозяйство»⁴⁵.

⁴² Новая история. Т. 1. 1640–1789 / Под ред. Б.Ф. Поршнева, С.Д. Сказкина... С. 238–239.

⁴³ Новая история. Ч. 1, 1642–1870. Пособие для учителя / Под ред. А.И. Молока и Н.И. Сомина. М., 1960. С. 74.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 71.

Работы некоторых авторов своим тоном напоминали не столько научные, учебные или научно-популярные труды, сколько памфлеты революционных публицистов. Резко антидворянская направленность отличалась статья А.И. Молока, написанная им для академического издания книги Шодерло де Лакло «Опасные связи» в серии АН СССР «Литературные памятники». Перечисляя многочисленные привилегии «феодално-помещичьей знати», автор утверждал, что «дворянство обладало [...] всеми политическими правами, не платило никаких государственных налогов, владело большею частью земель, пользовалось исключительным правом охоты и многими другими выгодными монопольными правами. Сверх того, за дворянством были закреплены всевозможные бытовые привилегии и особые преимущества»⁴⁶.

При этом автор оговаривался, что господствующее положение в стране занимало не все дворянство, а лишь высшая титулованная аристократия, которая «вела большею частью совершенно паразитический образ жизни, проводя время во всевозможных развлечениях и удовольствиях»⁴⁷. Значительную часть статьи занимают примеры роскоши и разврата придворной аристократии. Отмечая существование «дворянства мантии» как особой группы, автор пишет, что различия между ним и «дворянством шпаги» стирались и обе группы сближались, в том числе и путем браков.

Автор уделил внимание участию дворян в торговой и промышленной деятельности. Подобно Манфреду и Потемкину, он усматривал в этом свидетельство того, что «развитие капиталистического уклада во Франции, происходившее в условиях разложения феодальной формации, захватило и часть аристократии. Впрочем, этот процесс не принял во Франции таких широких размеров, как в Англии»⁴⁸.

«Враги и угнетатели народа», гонители свободы и просвещения, кроважанные хищники, люди, «запятнанные всевозможными преступлениями», – так характеризовал автор французскую аристократию словами из опубликованного в 1790 г. памфлета Ж.А. Дюлора⁴⁹. Сам А.И. Молок целиком и полностью присоединялся к такой оценке, проникнутой революционным пафосом и непримиримой ненавистью к «аристократии». И значение предлагаемого советским читателям романа «Опасные связи» он видел в том, что этот роман «давал правдивое, реалистическое изображение нравов французской дворянской аристократии того времени, обличал ее грязные пороки, обнажал ее истинную, отталкивающую сущность»⁵⁰.

⁴⁶ Молок А.И. Дворянство во Франции накануне буржуазной революции XVIII века // Шодерло де Лакло. Опасные связи. М., Л., 1965. С. 317.

⁴⁷ Там же. С. 318.

⁴⁸ Там же. С. 326.

⁴⁹ Histoire critique de la noblesse depuis le commencement de la monarchie jusqu'à nos jours... par J.A. Dulaure, citoyen de Paris. A Paris, [1790]. Цит. по: Молок А.И. Указ. соч. С. 329.

⁵⁰ Молок А.И. Указ. соч. С. 334.

Итоговой для историографии 1960-х – начала 1970-х годов стала 3-х-томная «История Франции». Автором главы о Франции XVIII века в первом томе – «Упадок монархии. Век Просвещения» – был Л.С. Гордон. Преимущественное внимание в ней уделено Просвещению (20 страниц из 44-х), обо всем остальном говорится очень бегло. О дворянстве там сказано, что оно владело 20% территории страны и что внутри него наблюдалось расслоение. Во-первых, меньшую часть дворянства составляли вельможи, жившие в роскоши за счет пенсий двора, предававшиеся оргиям и разврату. Во-вторых, существовало «дворянство мантии» и «дворянство колокольни», состоявшее из одворянившихся буржуа, купивших должности в бюрократическом аппарате королевства и «поместья со всеми феодальными привилегиями». В-третьих, – «провинциальное дворянство, косное, отсталое, прозябавшее в своих полуразвалившихся замках и усадьбах, замкнувшееся в своей нищете». «Провинциальное дворянство, застыв в своем заскорузлом невежестве, со страхом и негодованием отвергало все новшества и искало спасения в возврате к старине. И если эти провинциальные дворяне больше всего боялись уронить свое «дворянское достоинство», занимаясь какой-нибудь полезной деятельностью, и предпочитали голодать, бедствовать, то высшее дворянство охотно вступало (непосредственно или через подставных лиц) в компании откупщиков, пополняя таким образом свои доходы»⁵¹, – писал Л.С. Гордон. Излагая эти взгляды, автор ссылался на книгу Ф. Форда «Мантия и шпага»⁵².

Автором главы о Французской революции во 2-м томе «Истории Франции» был А.З. Манфред. Он в основном воспроизвел свою концепцию из книги 1956 г., но в более жесткой и прямолинейной форме. Возможно, это диктовалось и ограниченным объемом издания, заставлявшим автора писать лишь то, что он считал «самым главным», отсекая все «лишнее». По утверждению Манфреда:

«Революция была неизбежной потому, что господствовавший в течение многих столетий феодально-абсолютистский строй полностью уже изжил себя, стал преградой экономическому, социальному и политическому развитию страны. Это выражалось прежде всего в глубоком и неразрешимом конфликте между третьим сословием, составлявшим огромное большинство населения страны, и привилегированными сословиями, количественно ничтожными, но обладавшими полной политической власти. Но за этой сословной оболочкой скрывалось вполне определенное классовое содержание. Неизбежность революции порождалась неразрешимостью классовых противоречий. Привилегированные сословия – духовенство и дворянство,

⁵¹ История Франции: в 3-х томах. Т. 1. М., 1972. С. 286, 293–294.

⁵² Ford F.L. Robe and Sword: The Regrouping of the French Aristocracy after Louis XIV. Harvard, 1953.

представляли собой класс феодалов. Каковы бы ни были у них частные расхождения с двором, они оставались оплотом и опорой феодально-абсолютистской монархии»⁵³.

В.Г. Ревуненков, остро полемизировавший с А.З. Манфредом о характере якобинской диктатуры, в «Очерках по истории Великой французской революции», рассуждая о дворянстве, по сути повторил то, что писал Манфред. По словам Ревуненкова, дворянство подразделялось на родовое и военное «дворянство шпаги» и судейское и чиновное «дворянство мантии». Верхушку родового дворянства составляла титулованная знать, которая купалась в роскоши. Те родовитые дворяне, которые не состояли при дворе и не занимали важных должностей, оскудевали и распродавали свои земли. «Дворяне мантии» были, как правило, богаты и владели не только своими должностями, но и поместьями, даже замками, которые они скупали у разоряющегося родовитого дворянства». «Но встречались и такие дворяне, которые владели шахтами или заводами, являлись пайщиками торговых компаний или компаний откупщиков. Это “деловое дворянство” (*noblesse d'affaire*) было немногочисленно, но весьма богато и влиятельно. Именно оно являлось основным носителем дворянского либерализма»⁵⁴.

Таким образом, если судить по опубликованным работам, то получается, что советская историография 1950-х – 1970-х годов была изолирована от того, что происходило в это время во французской и, в целом, в мировой историографии: от споров вокруг «ревизии» социальной интерпретации Французской революции, вокруг концепции «революции элиты». Отклики на эти новые явления и споры встречались только в историографических статьях, как советских, так и переводных⁵⁵.

Впрочем, и в самой советской историографии, без шума и бурных дебатов, обозначилась ревизия устоявшихся представлений. Заметным явлением в историографии 1950-х – 1970-х годов стали работы А.Д. Люблинской. Она показала процесс внутрисословного расслоения дворянства на феодальную аристократию и родовитое дворянство, с

⁵³ История Франции: в 3-х тт. Т. 2. М., 1973. С. 7.

⁵⁴ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. 1789–1792. Л., 1982. С. 21–22. Книга В.Г. Ревуненкова переиздавалась в 1989 и 1996 гг. В последнем издании автор несколько расширил раздел, посвященный «деловому» и либеральному дворянству, упомянув семью де Ванделей, «основавшую металлургический комбинат в Ле-Крезо», а также тот факт, что «из дворян вышли как многие просветители (Монтескье, Гольбах), так и многие деятели революции (Мирабо, Лафайет)» (Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Изд. 3-е. СПб., 1996. С. 36).

⁵⁵ Адо А.В. Современные споры о Великой французской революции // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; Собуль А. Классическая историография Французской революции // ФЕ 1976. М., 1978.

одной стороны, и «новое дворянство» – с другой⁵⁶. Это «новое дворянство» появилось в XVI в. и «продлило жизнь своего класса еще на 200–300 лет». Оно формировалось путем покупки фьефов, королевских аноблирующих грамот и государственных должностей. Присущие ему методы хозяйствования отличались от чисто феодальных; оно обычно сочетало феодальные платежи со срочной арендой. Отношения между старым, феодальным и новым дворянством были конфликтными. Наиболее отчетливо это противостояние проявилось на Генеральных штатах 1614 г. По словам Люблинской, напряженная борьба сословий на ассамблее штатов «неверно истолковывалась как борьба дворянства и буржуазии. На деле это был острый конфликт между двумя частями дворянства – старым и новым»⁵⁷.

Обновление дворянства за счет богатых землевладельцев, членов высшего и среднего звеньев бюрократического аппарата помогло ему преодолеть наметившийся в XVI в. кризис и стать опорой абсолютной монархии. Это новое дворянство заполнило высшую центральную и местную администрацию, армию, церковь. Новое дворянство, занимавшее ключевое место в концепции Люблинской, не было однозначно ни феодальным, ни буржуазным классом. Оно вообще не было классом, так как характеризовалось не каким-то особым, только ему присущим отношением к средствам производства, а происхождением, типом карьеры, образом жизни и родом занятий, вместе взятыми. Таким образом, та социальная история дворянства, которую писала Люблинская, хотя это и не декларировалось открыто, явно выходила за рамки классово-формационной модели.

На рубеже 1960-х – 1970-х годов появились первые публикации работ современных зарубежных ученых, посвященных дворянству, в переводе на русский язык. Это были доклады на V Международном конгрессе по экономической истории в Ленинграде и на XIII Международном конгрессе историков в Москве в 1970 г. В частности, был опубликован отдельной брошюрой доклад П. Губера и Ж. Мейера на XIII Международном конгрессе исторических наук «Проблемы дворянства в XVII веке», в котором рассматривались юридические, экономические, политические и культурные различия внутри дворянства⁵⁸.

Однако все это были работы, посвященные дворянству XVII в. В сочинениях историков, занимавшихся изучением XVIII в., они в то

⁵⁶ Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. (1610–1620 гг.). Л., 1959. С. 56–62; Она же. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. Л., 1965; Она же. Роль дворянства в истории позднего феодализма // Средние века. Вып. 34. М., 1971. С. 68–71; Она же. Франция при Ришелье: Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982.

⁵⁷ Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. С. 237; Она же. Франция в начале XVII в. С. 143–173.

⁵⁸ Губер П., Мейер Ж. Проблемы дворянства в XVII веке. М., 1970.

время никакого отклика не нашли. По-видимому, сказалось то, что, согласно общепринятой в СССР периодизации истории, рубежом между Средними веками и Новым временем считалась английская революция середины XVII в. Таким образом, Старый порядок оказался разделенным ровно пополам между Средними веками и Новым временем. Работы А.Д. Люблинской относились к истории Средних веков, и историки Французской революции не считали нужным принимать их во внимание. Они были по-настоящему прочитаны советскими исследователями Французской революции лишь в 1980-е годы.

Оценка роли либерального дворянства в революции

В освещении этого вопроса тон был задан также историками «русской школы». В учебнике же «Новая история» (1939) о либеральном дворянстве как таковом не говорилось вообще. Из имен видных деятелей революции дворянского происхождения там были названы Лафайет, Мирабо и братья Ламеты (что касается последних, то указывалось лишь имя без каких-либо пояснений). Лафайет характеризовался как умеренный либерал и монархист, без упоминания о его дворянском происхождении. Еще интереснее характеристика Мирабо: «разорившийся аристократ» и «талантливейший представитель либеральной буржуазии»⁵⁹. То есть, по логике автора, участники буржуазной революции (глава, посвященная событиям 1789–1793 гг., называется «Крупная буржуазия у власти») по определению являлись представителями буржуазии.

Во «Французской буржуазной революции» под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле была отмечена активная роль либерального дворянства на начальном этапе революционных событий и объяснялась она тем, что часть французского дворянства в XVIII в. обуржуазилась. В главе, посвященной началу революции (она называется «Борьба буржуазии с феодально-абсолютистской системой»), ее автор Ф.В. Потемкин отмечал, что «представители аристократии», выступившие инициаторами решений Учредительного собрания 4 августа 1789 г., являли собой «обуржуазившуюся часть дворянства». Потемкин, в частности, обращал внимание на то, что герцог д'Эгийон давно занимался спекуляциями и биржевой игрой⁶⁰.

Подобной интерпретации придерживался и Манфред в книге «Великая французская революция», указывая, что в начале революции ведущая роль в Учредительном собрании «принадлежала верхним слоям буржуазии и либеральному дворянству»⁶¹. Среди либеральных

⁵⁹ Новая история. Ч. 1 / Под ред. Е.В. Тарле, А.В. Ефимова и Ф.А. Хейфец. С. 77.

⁶⁰ Французская буржуазная революция 1789–1794. С. 66, 71, 84–86.

⁶¹ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 72.

дворян он особо выделял Лафайета и Мирабо; в книге даны их выразительные портреты. Упомянуты также герцог де Ноай и герцог д'Эгийон, которые, по словам автора, «были представителями аристократии, в достаточной мере обуржуазившейся. Эмигрировав из Франции, герцог д'Эгийон открыл в Гамбурге большое коммерческое дело»⁶². Манфред специально не заострял внимания на феномене либерального дворянства, так как, по его мнению, эти люди исповедовали *буржуазный* либерализм и представляли интересы крупной буржуазии. В таком качестве он их и рассматривал в дальнейшем, называя Лафайета и Мирабо «лидерами партии крупной буржуазии»⁶³. Впоследствии в главе о Французской революции из трехтомной «Истории Франции» Манфред лишь одной фразой отметил руководящую роль «представителей крупной буржуазии и либерального дворянства» в Учредительном собрании⁶⁴.

Та же самая характеристика – «выразители политических требований крупной буржуазии» – дана Мирабо и Лафайету и в учебнике А.Л. Нарочницкого «Новая история. Ч. 1» (1963)⁶⁵.

По мнению В.Г. Ревуненкова, политический раскол среди дворянства в начале революции проходил между склонным к реформам меньшинством представителей высшей знати (из них поименно автор назвал маркиза де Лафайета, виконта де Ноайля, герцога де Ларошфуко, герцога д'Эгийона и Мирабо) и большинством, которое «принадлежало к мелкому провинциальному дворянству и было настроено крайне реакционно»⁶⁶. Феномен дворянского либерализма автор специально не рассматривал, так как Мирабо, Лафайет и братья Ламеты были, по его мнению, сторонниками буржуазной монархии и выражали интересы буржуазии.

Лишь в 1986 г. в учебнике «Новая история стран Европы и Америки» под ред. А.В. Адо в разделах, посвященных началу революции, в оценке позиции либерального дворянства появился нюанс, отличавший этот текст от того, что писали советские историки раньше. По словам А.В. Адо, «сторонники буржуазно-либеральных преобразований [...] выражали стремления крупной буржуазии [...] и либеральной аристократии»⁶⁷. Здесь впервые дворяне-либералы рассматривались как выразители собственной позиции, а не интересов буржуазии, то есть интерпретация политической борьбы революционных лет перестала

⁶² Манфред А.З. Указ. соч. С. 74.

⁶³ См., например: Манфред А.З. Указ. соч. С. 97.

⁶⁴ История Франции: в 3-х тт. Т. 2. С. 14.

⁶⁵ Новая история. Ч. 1. 1640–1870. С.128.

⁶⁶ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. С. 62.

⁶⁷ Новая история стран Европы и Америки. Первый период / Под ред. А.В. Адо. М., 1986. С. 187.

втискиваться в рамки жесткой дихотомии *революционная буржуазия / феодальное дворянство*.

Освещение дворянской эмиграции и контрреволюции

В советской историографии темы эмиграции и контрреволюции оставались неизученными. Из работ, специально посвященных эмиграции, можно назвать только небольшую книжку О.Л. Вайнштейна. Правда, имелись соответствующие разделы в общих работах о революции и в книга на тему «Французская революция и Россия».

Что касается соотношения понятий «дворяне», «эмигранты» и «контрреволюционеры», то они зачастую отождествлялись и в большинстве случаев оценки им давались предельно простые и однозначные, особенно в работах 1920-х – 1950-х годов. По мнению О.Л. Вайнштейна, эмиграция являлась следствием реакционной, контрреволюционной политической позиции. В социальном отношении эмиграция состояла из представителей аристократии и буржуазии Старого порядка⁶⁸. Согласно учебнику «Новая история» (1939), эмигрантами становились дворяне, а контрреволюционерами и роялистами – дворяне и духовенство⁶⁹.

Если во «Французской буржуазной революции» под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле о либеральном дворянстве упоминалось лишь вскользь, то дворянской эмиграции и контрреволюции там были посвящены несколько разделов, написанных А.И. Молоком и М.А. Буковецкой⁷⁰. По словам Молока, «основную массу эмигрантов составляли, конечно, помещики и офицеры дворянского происхождения»⁷¹. Буковецкая настолько вжилась в эпоху, что и вовсе перешла на язык Французской революции: рассказывая про мятеж в Авиньоне осенью 1791 г., она утверждала, что его подняли «аристократы», «аристократические и контрреволюционные жители Авиньона»⁷².

В книге Манфреда «Великая французская революция» эмиграция и контрреволюция рассматривались как явления, с социальной точки зрения, преимущественно дворянские. Эмигранты у Манфреда – это, в основном, дворяне, а контрреволюционеры – дворяне и неприсягнувшие священники. Рассказывая о них, он также широко пользовался термином «аристократы», заимствованным у революционеров XVIII в.⁷³

⁶⁸ *Вайнштейн О.Л.* Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789–1796) (по материалам Воронцовской библиотеки). Харьков, 1924. С. 25–28.

⁶⁹ *Новая история. Ч. 1 / Под ред. Е.В. Тарле, А.В. Ефимова и Ф.А. Хейфец.* С. 77–78.

⁷⁰ *Французская буржуазная революция 1789–1794.* С. 96–103, 120–123, 178–180, 318–327.

⁷¹ Там же. С. 121.

⁷² Там же. С. 179.

⁷³ *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 116.

В.Г. Ревуненков, говоря о дворянстве в целом, рассматривал его как реакционную социальную и политическую силу. Одной из главных причин кризиса, приведшего к революции, он считал то, что дворянство наряду с высшим духовенством и парламентами выступило против реформ⁷⁴; ответом на начавшуюся революцию стала «контрреволюционная дворянская эмиграция», а затем и «массовая эмиграция дворян»⁷⁵.

Дворянство и вандейское восстание

В рамках общей темы дворянской контрреволюции выделяется один особый сюжет: дворянство и вандейское восстание. Вопрос о том, какую роль играли дворяне (и играли ли они вообще какую-то роль) в организации вандейского восстания и руководстве им, советские историки отдельно не исследовали, но свои мнения высказывали, и эти мнения существенно расходились. По словам автора соответствующих разделов в книге «Французская буржуазная революция» (1941) Буковецкой, инициаторами и руководителями вандейского восстания, наряду с неприсягнувшими священниками, были «дворяне, часть которых по недостатку средств была лишена возможности эмигрировать. Они притаились в своих поместьях и выжидали удобного момента для организации широкого контрреволюционного выступления». Это «реакционное дворянство с ненавистью относилось к революции» и вместе со священниками вело роялистскую пропаганду. А крестьяне Вандеи и Бретани были особенно подвержены контрреволюционной пропаганде в силу своей темноты и невежества⁷⁶.

Но авторы работ, вышедших в более позднее время, либо предпочитали обходить стороной вопрос о роли дворянства в вандейском восстании, либо прямо отрицали эту роль. Манфред называл восстание в Вандее просто «контрреволюционным мятежом», который подняли «роялистские мятежники-шуаны»⁷⁷. От какой-либо социальной характеристики участников мятежа автор предпочел воздержаться. Точно так же в учебнике Нарочницкого события в Вандее характеризовались как «роялистский мятеж», или «роялистское восстание»⁷⁸ без указаний на социальную принадлежность его участников.

Против акцентирования роли дворян в контрреволюционных выступлениях внутри страны открыто высказывался Ревуненков.

⁷⁴ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. С. 55–56.

⁷⁵ Там же. С. 71, 136.

⁷⁶ Французская буржуазная революция 1789–1794. С. 318–319.

⁷⁷ Манфред А.З. Указ. соч. С. 144, 203; История Франции: в 3-х тт. Т. 2. С. 40, 43.

⁷⁸ Новая история. Ч. 1. 1640–1870. С. 145, 147.

Вандейское восстание он трактовал как крестьянское, в возникновении которого «агитация неприсяжных священников и дворян, которые искусно использовали наивный монархизм и религиозность крестьян западных департаментов, чтобы поднять их против республики, была важным, но далеко не решающим фактором». Автор обращал внимание на то, что «предводителями шуанов на первых порах были почти исключительно люди из народа [...]. Лишь с апреля среди их вожаков появились и дворяне [...]»⁷⁹.

* * *

В заключение, напомним еще раз, что специальных исследовательских работ по истории французского дворянства накануне и во время Французской революции в рассматриваемый период (до 1980-х годов) в советской историографии не было. Высказывавшиеся суждения и оценки базировались на общих представлениях о том, «как это должно было бы быть», и на фактических сведениях, почерпнутых из историографии XIX – начала XX в. Лишь в немногих работах проявлялось знание современной зарубежной историографии вопроса.

В работах советских историков прослеживается ряд общих черт: преобладание формационного подхода; характеристика Старого порядка как феодального, а дворянства как феодального класса; представление о том, что именно феодальный порядок являлся основой господствующего положения дворянства в обществе и государстве; когда речь заходила о роли дворянства в революции, то авторы отмечали, что большинство дворянства занимало контрреволюционные позиции, а либеральное меньшинство выражало интересы крупной буржуазии. Формационный подход диктовал его сторонникам, что исторические реалии разных стран и эпох представляли собой не что иное, как национальные проявления одних и тех же классово-формационных сущностей. Неудивительно поэтому, что отличительной особенностью работ того времени было широкое использование специфически русской терминологии для описания французских реалий. Так, французские сеньоры в работах советских историков именовались «помещиками» и даже «крепостниками».

Открытых споров о дворянстве, подобных, например, спорам о классовой природе якобинской диктатуры между Манфредом и поддержавшим его большинством профессионального сообщества историков Революции, с одной стороны, и Ревуненковым, с другой, в советской историографии не велось. Вместе с тем, определенные разногласия среди историков были. Так, существовала разница в оценках содержания и

⁷⁹ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983. С. 19–20.

смысла процесса аноблирований и скупки дворянских земель и замков выходцами из третьего сословия. Одни авторы (Потемкин) усматривали в этом «обуржуазивание» дворянства, т.е. элемент модернизации, другие (Поршнев) – «одворянивание» буржуазии, т.е. фактор регресса, проявление устойчивости традиционных социальных структур. Кроме того, многие историки оперировали термином «новое дворянство», но в его употреблении не было полной ясности и, тем более, единообразия. Разные авторы могли обозначать этим термином то дворянство мантии; то аноблированных; то тех, кто использовал различного рода новые методы ведения хозяйства и получения доходов; а чаще всего – обуржуазившееся дворянство. Важное место заняла концепция «нового дворянства» в трудах Люблинской, которая именовала так особую группу, выделяемую на основании целого ряда социальных, экономических, социо-политических и социо-культурных параметров. Наконец, можно проследить разногласия в осмыслении взаимосвязи между процессом «обуржуазивания» дворянства и дворянским либерализмом. По мнению одних авторов (Манфред, Потемкин, Ревуненков), использование «буржуазных» приемов ведения хозяйства являлось экономической почвой для идейного и политического либерализма; по мнению других (Л.С. Гордон), – лишь дополнительным способом повысить свои доходы.

Говоря об эволюции подходов советских историков к дворянской проблематике на протяжении рассмотренных десятилетий, можно выделить три тенденции. Во-первых, усилилось внимание к внутрисословным, внутрдворянским различиям и антагонизмам. Во-вторых, историки стали уделять больше внимания роли либерального дворянства в революции. Со временем, в 1980-е годы его начали рассматривать уже как самостоятельную силу, а не просто как выразителей интересов крупной буржуазии. В-третьих, сместились акценты в интерпретации контрреволюции. Если в довоенной историографии признавалось, что антиреволюционными (в том числе крестьянскими) выступлениями во Франции руководили дворяне, то авторы вышедших в более позднее время работ об этом либо умалчивали, либо вообще это отрицали (как, например, Ревуненков).

Вставшие во французской историографии к 1970-м годам вопросы о реальной значимости классовых и сословных барьеров внутри элиты Просвещения, о масштабах обновления (во всех возможных смыслах этого слова) дворянства, о том, существовало одно дворянство или множество, – в советской историографии в то время не обсуждались. Тем не менее, проявлявшиеся в работах советских историков новые черты и разногласия были отдаленными отзвуками того, что происходило в мировой историографии.